

Чжоу Чун и Шань Циншань даже не подозревали, что их трансляцию заблокировали.

Пока Чжоу Чун медленно надвигался, Шань Циншань услышал:

— Не хочешь заняться со мной кое-чем волнующим?

Сердце Шань Циншаня бешено забилося:

— Чем?

— Глянем порнушку.

Чжоу Чун больше не мог ждать.

Он прямо сейчас начнет обращать Сокровище Циншаня в свою веру.

Сперва Чжоу Чун мысленно извинился перед невинными глазками Сокровища Циншаня.

Затем достал телефон, открыл видео, которое позже прислал Ю Лян, уселся рядом с Шань Циншанем и включил просмотр.

В начале была заставка; решив, что это слишком долго, Чжоу Чун сразу перетянул ползунок вперед, переходя к сути.

Шань Циншань всю жизнь только учился, в свои девятнадцать у него даже телефона не было — где ему было такое видеть?

Его лицо мгновенно вспыхнуло пунцовым.

Чжоу Чун с насмешливой улыбкой наблюдал за тем, как тот заливается краской:

— Чего на меня уставился? Смотри на экран. Ну как, нравится?

Шань Циншань закрыл экран ладонью и спросил:

— Разве геи смотрят видео с мужчиной и женщиной?

«Бац!»

Чжоу Чун выронил телефон.

Его внушительная аура великана вмиг сжалась до пары жалких сантиметров — если не меньше.

Изо всех сил сохраняя невозмутимость, он наклонился подобрать трубку.

В голове непрерывным набатом колотилось паническое «твою мать, твою мать!».

Он не просто спалился — он сел в лужу по-крупному!

— «Гей» ведь значит «гомосексуал»? — спросил Шань Циншань.

«Бац!»

Едва поднятый телефон снова полетел на пол.

Шань Циншань посмотрел на его многострадальный телефон:

— Если он тебе больше не нужен, можешь просто избавиться от него без лишних церемоний.

Чжоу Чун закрыл видео и взглянул на Шань Циншаня. Убедившись, что тот не злится, он робко спросил:

— Когда ты узнал?

— Сегодня.

...

Слов нет.

— Почему ты мне не сказал? — спросил Шань Циншань.

— Боялся, что ты меня выставишь за дверь, — чистосердечно признался Чжоу Чун.

Вполне объяснимо.

— Я пустил тебя пожить не потому, что ты гей, и выгонять тебя из-за этого тоже не стану.

Чжоу Чун заулыбался, на душе отлегло:

— Мы же всё ещё можем спать в одной постели?

Скажи Сокровище Циншань «нет», ему оставалось бы только намертво прилипнуть к кровати и ни за что не слезать.

— Можем.

Да и других кроватей в доме все равно не было.

Чжоу Чун возликовал: «Не испытывает неприязни к геям? И даже не против спать в одной кровати?»

«Может, он не такой уж и натурал?»

«А не попробовать ли его поцеловать?»

— Захоти ты что-то сделать, давно бы уже сделал, — добавил Шань Циншань.

— Я...

Он очень даже хотел, да кишка тонка.

Хотя в мыслях проделывал это уже бесчисленное количество раз.

Замаявшись на миг, Чжоу Чун произнес:

— ...Считаю, что ты совершенно прав.

Шань Циншань поднялся:

— Иди покорми свиней, а я схожу в огород, нарву овощей на ужин. Меня может не быть подольше, так что, если задержусь, жди дома, никуда не уходи и присмотри за бабушкой.

Разве мог Чжоу Чун послушаться Шань Циншаня?

— Хорошо.

Подойдя к порогу, Шань Циншань увидел мнущегося у двери сотрудника съемочной группы.

Сотрудник окинул его взглядом, острым, как у ястреба.

Волосы — в порядке.

Одежда — аккуратная.

Губы — без следов поцелуев.

И с облегчением шумно выдохнул!

Не то чтобы у него разыгралась бурная фантазия.

Но стрим-то заблокировали!

И последними прозвучавшими словами было «не хочешь заняться со мной...».

Он всерьез испугался, что внутри творится нечто непотребное, и побоялся войти!

Сотрудник торопливо объяснил причину визита, и лишь тогда Шань Циншань понял, что трансляцию забанили из-за их выходки.

Вспомнив недавний разговор, он осознал, как двусмысленно все прозвучало, и догадался, что именно высматривал работник.

Лицо оставалось невозмутимым, но щеки запылали.

Сотрудник помог Шань Циншаню и Чжоу Чуну перезапустить оборудование и сообщил, что тайное задание Шань Циншаня выполнено.

Шань Циншань промолчал.

Оказывается, требовалось всего лишь заставить его улыбнуться.

[Какая радость! Включили! Дайте глянуть! Покажите!]

[Волосы целы, одежда на месте, губы не припухли... как же я разочарована!]

[Моего малыша не обидели? Молодой господин Чжоу с первого взгляда кажется профи в постельных делах.]

[Народ, рассуждайте трезво: зимой одежды куча, за такое короткое время даже раздеться и одеться не успеешь! А вот будь сейчас лето... (лицо расплывается в пошлой ухмылке)]

...

Чтобы навести порядок в комментариях и остудить пыл зрителей, сотрудник не стал уходить сразу. Оставшись за кадром, он спросил:

— А чем вы тут только что занимались?

— А ты премиум-подписку оформил, чтобы такие вопросы задавать?

Взгляд Чжоу Чуна был насмешливым и одновременно смущенным, отчего зрительницы в чате завалили экран восторженными криками «а-а-а!».

Лучше бы он промолчал: от таких «объяснений» в воздухе повисла еще более густая двусмысленность.

— Ты сегодня постоянно несешь какую-то чепуху, — заметил Шань Циншань.

Начиная с того самого момента, как съемочная группа объявила задание.

Чжоу Чун тут же покорно согласился:

— Виноват, исправлюсь.

— Я пошел в огород, — сказал Шань Циншань.

Чжоу Чун кивнул и с улыбкой помахал ему вслед. Но стоило силуэту скрыться из виду, выражение его лица переменилось: длинная рука метнулась вперед и ухватила сотрудника за шиворот.

— Кто объяснил ему значение слова «гей»?

Чат взорвался гомерическим хохотом.

Зрители думали, тут разворачивается жаркая романтика, а оказалось — эпический провал!

Сотрудник замялся и заюлил, не желая сдавать виновника.

— Молчишь? — Надавил Чжоу Чун.

Тот отвел глаза.

— Уже и спросить нельзя?

«Да вы выглядите так, будто после ответа пойдете точить топор!»

— Да это же сущий пустяк... Шань Циншань рано или поздно все равно бы узнал, да и... отношения у вас вроде по-прежнему отличные.

— Пустяк?! Кто тебе сказал, что это пустяк?! Надо было дожидаться, пока Сокровище Циншань сбежит, чтобы стало важно?! Сами потом за ним бегать будете?!

Не выдержав давления, бедняга сдал Пань Инчжэ с потрохами.

Чжоу Чун разжал пальцы:

— Понятно. Свободен, гуляй.

Сотрудник торопливо закивал и пустился наутек со всех ног.

И только отбежав на приличное расстояние, сообразил:

«Да это же просто восемнадцатилетний пацан, а мне под тридцать! Чего я так струсил?!»

Покормив свиней, Чжоу Чун проведал бабушку, переделал всю работу по дому и даже успел ответить на звонок от госпожи Юй.

Госпожа Юй жутко переживала, как бы ее сынок за время отключения эфира не натворил каких-нибудь глупостей.

Разговор закончился, а Шань Циншань всё ещё не вернулся.

Чжоу Чун уселся на маленькую скамеечку у порога и принялся ждать.

Не прошло и двух минут, как он заерзал, вскочил на ноги и принялся мерить шагами двор.

Тревога нарастала, и он не выдержал: пошел расспросить бабушку, где вообще находятся их огородные грядки.

Бабушка объяснила и спросила:

— Пойдешь искать Сокровище?

Чжоу Чун тут же стушевался:

— Не пойду.

Но, выйдя за ворота, все равно не мог удержаться и то и дело вытягивал шею в сторону огородов — даже если ничего не было видно, взгляд сам тянулся туда.

Зрители, бегавшие в стрим Пань Инчжэ с криками «беги, спасайся!», вернулись и застали Чжоу Чуна с тоскливо горящими глазами — вылитый пес, преданно ждущий возвращения хозяина.

Подошедшая Цянь Вэй увидела лишь Чжоу Чуна, а Шань Циншаня не обнаружила и поняла, что опоздала.

— Сколько уже нет братишки Циншаня?

— Сорок три минуты.

...

«Надо же, с точностью до минуты помнит».

Цянь Вэй присела рядом и пару раз окинула его взглядом:

— Чем дольше я на тебя смотрю, тем сильнее кажется, будто я тебя где-то видела.

— Сестра, я гей.

Цянь Вэй приснула от смеха и возмущения:

— Да я не подкатываю!

Ей действительно его лицо казалось до боли знакомым.

Шань Циншань пробыл на улице ровно положенный час и лишь затем вернулся с корзиной шпината.

Едва он показался вдалеке, Чжоу Чун сорвался с места и бросился навстречу.

Глядя ему в спину, Цянь Вэй на мгновение отчетливо увидела собственную собаку.

Чжоу Чун перехватил корзину:

— Чего так долго?

Задание было выполнено, так что скрывать правду больше не имело смысла.

— Задание съемочной группы: пробыть порознь один час.

Лицо Чжоу Чуна вытянулось. Отстав на пару шагов, чтобы Шань Циншань не заметил, он с ледяным выражением уставился в сторону съемочной группы.

Съемочная группа и зрители в трансляции дружно задрожали.

Какое жуткое ментальное давление!

Интуиция подсказывала: повторись такое еще раз, их жизням будет угрожать реальная опасность.

<http://bllate.org/book/19795/1950913>